

Помнится, ещё в далёком детстве, я пообещал себе, что больше никогда не буду плакать. Если мне не изменяет память, то это обещание я дал себе в семь лет, после подряд просмотренных фильмов. Вернее два из трёх были диснеевскими мультиками, а последний как раз фильмом. Что за чертовщину я тут несу? Сейчас объясню. Начнём с первого незаданного, но возникающего вопроса: каких, пирожок тебе в роток, фильмов? Хороших. Очень хороших, правда не для детской психики. Нет, каждый по отдельности – шедевр, который должен посмотреть любой уважающий себя человек в своей жизни хотя бы раз. Но не подряд – уж слишком сильный эмоциональный посыл они несут в себе, особенно для хрупкой и не окрепшей психики. Но, как не трудно догадаться, я, будучи семилетним пиз... пацаном, за один вечер посмотрел все три. Подряд. Так сказать, сделал своей психике коктейль «Детская травма» – четыре части свежих горьких детских слёз и одна часть бессонной ночи в обнимку с подушкой, в попытке переварить свой первый в жизни экзистенциальный кризис. Осталось лишь взболтать и хорошенько перемешать!

Сначала на старой кассете я включил мультфильм «Бэмби», затем, сразу же после, немного утерев кулаком слёзы, в видеомагнитофон отправилась киноплёнка, носящая гордое название «Король Лев». Сцена с отцом Симбы? Я рыдал, давясь солёными горькими слезами... Потом был, правда радостный подъем и я даже весело подпевал «Хакуна Матату», стараясь отвлечься от прошлой запоминающейся сцены. А потом... Потом настал вечер, родители вернулись с работы, мы поужинали и сели смотреть по телевизору новый фильм. Вернее, они сели смотреть, а я так – примазался за кампанию. Смотрели мы «Зелёную милю». Не буду вдаваться в подробности, но в ту ночь я рыдал в подушку. Рыдал, как никогда до или после в своей жизни. Три шедевра сломали мою психику в тот день, заставили в семилетнем возрасте осознать, что такое смерть. Понять, что это не просто «вечный сон», а конец. Настоящий конец. Мама и папа когда-нибудь умрут, как сделают бабушка и бабушка, тёти и дяди, родственники, друзья... Как, в конце концов, умру и я. Я плакал, отчаянно шепча, как не хочу, чтобы никто из них умирал. Шептал, как не хочу умирать сам.

Наутро я был эмоционально выжат. Полное опустошение. Равнина, на которой ветер не в силах колыхнуть не единой травинки, ведь его, ветра, тут больше нет. Пустота. Эмоциональная пустыня. Казалось, ничто не способно вывести меня из такого состояния – лишь время. После той ночи я пообещал себе, что больше никогда не буду плакать... А теперь, собственно, ответ на второй вопрос, к чему всё это было?

Сейчас, после того как я окунулся с головой в жизнь Виктора Франкенштейна, прожил год его жизни и вернулся, помня и чувствуя всё то, что чувствовал он за это время, моё эмоциональное состояние было полной копией того, что было на утро после «дня кино». Эмоциональное выгорание, при котором, казалось, ничто не способно меня поколебать. По крайней мере мне так казалось ещё минуту назад...

В тот момент, когда дрожащая от ужаса, смирившаяся с неизбежным, принявшая свою судьбу, жертву, вампириша, произнесла эти слова... Я завис, пытаюсь осознать услышанное. Секунда. Две. Три. Осознание. «Жнец немёртвых» ... В тот самый миг... Горький миг осознания, безветренная равнина содрогнулась как от резкого порыва ураганного ветра. Пустоту освятила вспышка резкого взрыва сверхновой. На эмоциональную пустыню обрушился настоящий ливень, знаменующий начало Великого Потопа! Это была эмоция, сумевшая пробиться сквозь воздвигнутый щит. И этой эмоцией был... испанский стыд!

Во всяких анимешках любят показывать, как персонажа протыкает меч или стрела в такие вот моменты. Метафорические, естественно. Стрелы, от которых у него начинает бежать струйка крови изо рта, олицетворяя таким образом поговорку о словах, что могут ранить. Так вот, я всегда считал, что это лишь художественное преувеличение, но сейчас убедился – нет, не преувеличение. Слова Ниссы воткнулись в меня, словно меч, въедаясь в плоть, углубляясь и будто пуская корни, чтобы, вытаскивая их, причинить ещё больше боли – заставить страдать сильнее. Ещё хуже мне стало, когда сбоку послышался изрядно обескураженный (это если цензурно) старческий возглас:

— Кто? — резкий, бьющий словно плетью, немного глуховатый простой вопрос, от которого я едва заметно покачнулся, стараясь всеми силами удержать лицо.

Вот только Нисса, нисколько не щадя моё душевное состояние, всё тем же подрагивающим голосом продолжила забивать гвозди в крышку моего гроба, заставляя испытывать с каждым разом всё большее противоречивых эмоций, чем секунду раньше, отчего мне впервые со времён детства хотелось нарушить данное самому себе обещание.

— Жнец немёртвых – прозвище, которое дали чудовищу... — ещё один хлесткий удар. — ...В человеческом облики, — и ещё. — Его не убить, не остановить, не договориться, — девушка опасно сглотнула, будто увидев нечто в моём взгляде, что я с неё так и не спустил. — Он... Монстр, чудовище для нас, чудовищ... — на последних словах, мне захотелось устало выдохнуть, смежив веки, после чего вознести лицо к потолку, задавая один начавший мучать меня вопрос, который звучал примерно так: «Витя, мать твою, Франкенштейновскую, ты до чего местных кровососов довёл, ирод, а?!»

— Оу... — Уистлер, по всей видимости, разделял моё мнение в этом вопросе.

А вот Блэйд был другого мнения. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что «дневной бродяга» (ну вот – нормальное же прозвище!) сейчас был готов драться. Нет, немного не так – драться он был готов до этих, кхм, смущающих подробностей, сейчас же он был готов превозмогать. Не шучу, я буквально слышал, как в его теле напрягся каждый мускул, а лицо застыло в маске... Вот если бы не ситуация, то я бы сказал: маске человека, мучающегося запором, но учитывая ситуацию, то – застывшей в маске мрачной решимости идти до конца. Впрочем, Уистлер, не сильно отставал – не смотря на некую озадаченность происходящим, пушку то он так с меня и не сводил.

Ну вот как так, а? Вроде бы хотел сделать всё по уму, красиво – молчал в тряпочку, не выпендривался (не вспоминать про момент с крестиком! Не вспоминать я сказал!), старался быть осмотрительным, понимая, что лишние проблемы сейчас ни к чему, но, когда долгожданная свобода была так близка, едва рукой подать... случилась Нисса! И ведь не скажешь, что это такая подстава или розыгрыш – я едва ли не кожей ощущал исходящий от неё ужас.

Остаётся один единственный вопрос – что мне со всем этим делать?

Могу ли я, в случае чего, вступить в схватку с Блэйдом? Память Виктора говорила, что да, как и виденная мной недавно расправа над лысым вампирским идиотом. За показанной афро-охотником скоростью я поспевал... глазами, а вот телом – не уверен. Нет, будь я, хотя бы в том состоянии, в котором я... Франкенштейн рвал вампиров во время попытки захвата, то проблем бы не возникло и вовсе, даже напади они все втроём. Вот только я не был в том состоянии – тело сейчас представляло из себя обтянутый кожей скелет с задеревеневшими мышцами, а в таком состоянии я бы не рискнул драться ни с кем из этой тройки. Даже с Уистлером и, нет, не потому что он окажется сильнее. Просто от осознания, как со стороны будет выглядеть наша с ним «битва» я точно сделаю то, чего не удалось сделать вампирам – умру от кровопотери, вызванной переизбытком «кринжа» в организме. Фух, спокойствие, Витя, только спокойствие!

В общем, решать проблему силовым методом я бы предпочёл в самом крайнем случае. Вот прям самом-самом, поскольку, пусть прожитая память (а также вдребезги разбитая вампирская окаменелость, которую Нисса ещё утром называла «папой») и нащёптывала мне, что победить я смогу, пусть и с большим трудом, но, думаю, здоровья мне это не прибавит, а скорее наоборот. Сильно наоборот. Так что, сначала следовало бы разобраться с кашей в голове, после «вживания в Франкенштейна», привыкнуть к новому телу и хоть чуть-чуть восстановиться, а уже потом можно думать о решении всяких спорных «ситуёвин» силовым путём. А это значит что? Правильно – подключаем дипломатию.

— Не такой уж я и монстр, — на лице всё та же безэмоциональная маска, разве что теперь приходится прилагать некоторые усилия, для её удержания. От моего голоса вампирша вздрогнула всем телом. Понятно... Убедить боящуюся меня до мокрых трусов молодую вампиршу так просто не получится. Серьёзно, Франкенштейн, чего же ты там такого натворить-то успел?!

— Хорошо, — тяжело вздыхаю. — Вижу мне не верят... Начнём сначала. Ты хочешь жить, девочка? — в принципе, логику Ниссы я понимал. Когда кровожадный монстр, которому твой вид дал такое звучное (идиотское!) название и чьей кровожадности и силы ты стала свидетельницей, вдруг заявляет, что он не кровожадное чудовище, а милый добрый парень, у которого был просто плохой день, ты поверишь ему? Нет, конечно. А вот если он скажет, что «готов пощадить», но придётся заплатить за свою жизнь... Звучит уже по-другому, да?

— Сегодня род Дамаскинес так или иначе прервётся, — раз меня воздвигли в ранг чудовищ, то будем поступать соответственно – будем доминировать и унижать, главное только палку не перегнуть, а то один дамбир уже готов меня превозмогать.

— Не зарывайся, парень... — а вот и он, кстати, стоит, пафосно порывая, сжимая кулаки до хруста.

— Блэйд, — закатил я глаза, правда скорее от усталости и всего этого форменного издевательства. — Ты не понял меня. Даже в текущем состоянии я могу оторвать вам всем головы, и вы с этим ничего не сможете сделать – лишь потратите моё время, но результат окажется неизменным – я уйду отсюда, а род Дамаскинес прервётся. Так что... — вру. Нагло и неприкрыто вру, искренне надеясь, что моя безэмоциональная морда лица поможет скрыть это, но лучшая защита, как известно...

— И что же тебе мешало уйти раньше? — подбавил яда в голос дампир, задавая действительно хороший вопрос. Как хорошо, что ответа на него избежать мне помогла прервавшая нас вампирша.

— Не надо, Блэйд... Не надо, — Нисса вышла вперёд, попытавшись гордо взглянуть мне в глаза. И у неё бы получилось, не трясись она от страха, даже не смотря на пришедшее понимание, что вот прямо сейчас её убивать тут никто не будет.

— Нисса...

— Это только между ним и мной, — да уж, дампирёныш попал – девочка-то и вправду влюблена, что видно даже невооружённым взглядом. Даже Уистлер за спиной как-то странно «хэкнул», видать то же уловив особые нотки в скользнувшем по Блэйду взгляде, и голосе Ниссы. Да и сам дампир походу испытывает к ней нечто явно большее, чем просто желание залезть в трусики.

— Когда вы смогли захватить меня, я поклялся, что род Дамаскинес будет стёрт с лица земли в тот самый день, когда оковы перестанут удерживать меня, — надо больше пафосу! — Скажи мне, девочка, я правильно понял, что ты последняя из своего рода?

— Д... Да... Мой брат убил отца и всех остальных, а его убил Блэйд, перед тем как вы пришли сюда.

— А не врёшь ли ты мне случаем? — и так с подозрением посмотреть на неё, отчего та, удивительно, даже не дрогнула – лишь уверенно кивнула.

— Я клянусь. Я – последняя из рода Дамаскинес.

— Хорошо, а теперь скажи мне, что ты выберешь, последняя из рода: смерть, прямо здесь и сейчас, или... — театральная пауза. — Ты отказываешься от своего родового имени. Клан Дамаскинес канет в небытие, а ты станешь безродной, лишённой права носить эту фамилию. Твоя жизнь отныне будет принадлежать мне, — и перед тем, как вскинувшийся Блэйд успел что-то вставить, я продолжил. — Я назову цену, в которую оцениваю твою жизнь и если ты сможешь заплатить эту цену, то будешь вольна идти куда угодно и делать, что хочешь, но... — я поднял указательный палец вверх. — Ты всё так же будешь безродной, без права основать новый клан или вступить в чужой, — на мой взгляд, я нёс откровенную ересь. Но то, что для меня было «ересью», для вампирши, спасибо памяти Франкенштейна, было реалиями жизни.

Я знал, что чистокровные вампиры живут родами, зачастую призирая безродных. Именно старейшины от каждого рода определяли то, как будут вести себя остальные, устанавливали законы, имели право решать судьбу того или иного вампира. Своей речью я хотел показать, что не сошёл с ума и «просто отпускаю» по желанию левой пятки дочь одного из таких старейшин. Старейшины рода, что нанес мне не просто оскорбление, а получил в моём лице кровника. Со всеми вытекающими. Чистокровные в большинстве своём живут по средневековым обычаям, значит и поступать в ответ нужно в согласии с этими традициями. Так что, таким ходом я, по

сути, должен убедить всех причастных, что «оскорблённый до глубины души, прости хоспади, Жнец немертвых, решил так изящно отомстить». Иными словами, нагло и жестоко пресекаю род, выкидывая последнюю представительницу пинком под задницу на мороз. Но и это ещё не всё, дальнейшее зависит от ответа самой Ниссы: согласится умереть – окей, но с Блэйдом нам будет явно не по пути (а ведь афро-охотник может и кинуться с дуру); согласится на мои условия – я назначу цену, в каких-нибудь пару тысяч, которых хватит на первое время, и всё – «шерше ля фам», я сваливаю. Впрочем, думала Нисса недолго:

— Я... Я согласна. Я покину род Дамаскинес и согласна выкупить свою жизнь... г-господин, — нервно поклонилась она в конце.

— Где гарантии, что ты сдержишь своё слово? — дампир поравнялся с Ниссой, держа на лице хмурую гримасу.

— Гарантии? — приподнял бровь. — Я своего слова не нарушаю, а вы?

Блэйда, по всей видимости, такая гарантия не устраивала, но сделать он ничего не мог, как, впрочем, и я, поскольку, где гарантии, что девчонка действительно послушает меня и сделает как я и сказал? Оставалось лишь верить друг другу на слово. Мне, в принципе, было плевать, даже нарушь она слово сразу после моего ухода – для меня сейчас было важнее свалить отсюда побыстрее. С тем же успехом я мог бы сказать, мол, служи мне и вот всё такое прочее. Мог бы даже подмять под себя вампирский род, но... зачем? Нафига мне этот гемор?! Тем более я не питаю к вампирам никакого пиетета (как не питал и Виктор, что тоже не маловажно) – особенно после того, как прочувствовал на своей шкуре год жизни Франкенштейна у них в застенках. Деньги рода? А нафига они мне – Виктор был не бедным парнем, пусть и явно не обладал такими капиталами, как у древнего вампирского рода. Перед своим уходом, Франкенштейн позаботился о том, что бы у меня не было проблем с финансами – нужно было лишь добраться до любого из его убежищ и всё, а сидеть на куче денег, аки какой-нибудь фэнтезийный дракон – ну нафиг, ещё задницу застужу!